

«Не сводя глаз с Парижа»: влияние французского языка на значение книжных славянизмов на рубеже XVIII и XIX веков

Tivadar PALÁGYI^{1,2*}, Angela PALÁGYI³

¹Pedagógická fakulta Univerzity Komenského, KRJL, Šoltéssovej 4, SK-813 01 Bratislava, Slovensko

²ELTE BTK Francia Nyelvi és Irodalmi Tanszék, H-1088 Budapest, Múzeum krt. 4/C, Magyarország

³ELTE BTK Orosz Nyelvi és Irodalmi Tanszék, H-1088 Budapest, Múzeum krt. 4/D, Magyarország

Received: 19 November 2024 • Accepted: 9 December 2024

© The Author(s), 2024

АБСТРАКТ

В статье анализируются французские кальки в русском языке, включая новогреческий язык в качестве *tertium comparationis*. Оба языка, русский и греческий, характеризовались тем, что в их распоряжении уже имелся престижный сакральный язык со значительным абстрактным словарным запасом чтобы обновить язык на рубеже XVIII и XIX веков. В случае русского языка речь идет о церковнославянском языке, а в случае греческого языка – о древнегреческом, который охватывал всю античную культуру в дополнение к библейской и византийской лексике, переведенная уже в средние века на церковнославянский язык с помощью калек. Новые понятия и идеи эпохи Просвещения распространились по всей Европе XVIII века на французском языке. Русские, а также новогреческие лингвисты-новаторы-переводчики и писатели стремились приспособить собственный унаследованный от прошлого лексикон высокого стиля к французским понятиям современной эпохи. Это достигалось, в основном, путем кальки, то есть заимствованием значений. В статье сравниваются разные русские и греческие этимологические словари с целью выяснения отношения к калькам в обеих культурах. На основе анализированных примеров можно утверждать, что разные русские этимологические словари относительно единообразны в оценке семантических калек. В отличие от русских словарей, в греческих словарях доля признанных заимствований намного выше. По сравнению со словарем Бабиниотиса, Словарь новогреческого языка (*Λεξικό της κοινής νεοελληνικής*) фонда Триандафиллидиса склонен видеть большее французское влияние на современное значение древнегреческих слов.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА

калька, этимологические словари, русский язык, церковно-славянский язык, ново-греческий язык, древнегреческий язык, французский язык

* Corresponding author. E-mail: palagyi.tivadar@btk.elte.hu; palagyi.angela@btk.elte.hu

I. ВВЕДЕНИЕ

Чтобы проиллюстрировать повсеместное влияние французского языка на русский и на греческий в XIX веке начнем с двух цитат. Французский писатель, автор знаменитой повести *Carmen*, и одновременно переводчик русской литературы Проспер Мериме (Prosper Mérimée, годы жизни 1803–1870) так отзывался о языке пушкинской повести *Пиковая дама* в письме к С. А. Соболевскому:

«Je trouve que la phrase de Pouchkine dans *Picovaya Dama* est toute française, j'entends française du XVIIIe siècle. [...] Je me demande quelquefois si vous autres *Бояре* vous ne pensez pas en français avant d'écrire en russe? Y a-t-il quelque livre écrit en russe avant qu'on ne sût le français?»¹

По мнению Мериме, фраза Пушкина звучит очень по-французски, и он подозревает, что русские «бояре» думают по-французски, прежде чем писать по-русски. Уже в письмах Пушкина и в его критических заметках значение русских слов часто объясняется соответствующими французскими эквивалентами, как бы обнажая французский лингвистический субстрат его мышления.

Вторая цитата принадлежит франко-греческому лингвисту и писателю Яннису Психарису (родившемуся в 1854 в Одессе и умершему в 1929 в Париже), который боролся за официальный статус простонародного новогреческого языка. В заметках о своем путешествии по грекоязычным местам Османской империи и Греции, он утверждает, что невозможно понять греческие журналы без знания французского языка, что надо постоянно мысленно переводить греческие выражения-кальки на французский, чтобы найти их смысл:

«Если бы я не знал французского языка, я бы не смог понять ни слова из того, что писали газеты. [...] Если я вводил французский, то сразу понимал, что он хочет сказать. Я прочитал фразу: “Он не мог артикулировать ни слова”. Что это могло значить? Я искал, копался в древнегреческом, но ничего похожего найти не мог. [...] Если забыть о древнем и современном греческом, то с французским переводом смысл становился легко понятным: “Il ne pouvait articuler un mot”»² (ΨΥΧΑΡΗΣ 1971: 73–74).

Подобно тому, как русские тексты начала XIX века были созданы путем переодевания французских слов и идей в русские, так и язык греческих газет конца XIX века был настолько насыщен семантическими заимствованиями, то есть кальками из французского, что их невозможно было понимать без знания французского.

¹ Письмо Проспера Мериме приводит в своей книге о языке Пушкина В. В. Виноградов (Виноградов 1935: 316).

² «Αν δεν τα ήξερα [δηλ. τα γαλλικά], δε θα μπορούσα να καταλάβω λέξη απ'όσα έγγραφα οι φημερίδες. [...] Αμα τάβαζα στο γαλλικό, αμέσως έβλεπα τι θα πη. Είχα διαβάσει τη φράση – ‘Δεν ηδύνατο να αρθρώσει λέξιν’. Τι μπορούσε να σημαίνη τέτοιο πράγμα; Γύρεβα, σκάλιζα στην αρχαία· αδύνατο να βρω τίποτις που να μοιάζη. [...] Αμα ξεχνούσα την αρχαία και τη νέα, με τη γαλλική μετάφραση καταντούσε το νόημα πολύ έφκολο· Il ne pouvait articuler une parole.»

В нашей статье, рискуя модной сегодня междисциплинарностью, мы попытались анализировать кальки с французского в русском языке, включив в качестве *tertium comparationis*, помимо русского, новогреческий язык.

Оба языка, русский и греческий, характеризовались тем, что в их распоряжении был престижный сакральный язык со значительным абстрактным словарным запасом, который мог позволить обновление языка на рубеже XVIII и XIX веков. В случае русского языка речь идет о церковнославянском языке, а в случае греческого языка имеется в виду древнегреческий, который подразумевал всю античную культуру в дополнение к библейской и византийской лексике, которая, в свою очередь, уже в средние века была переведена на церковнославянский язык с помощью калек. Широко известно, что новые понятия и изящные разговорные темы эпохи Просвещения были представлены и распространены по всей Европе того времени в основном на французском языке. «Не сводя глаз с Парижа»,³ лингвисты-новаторы-переводчики, такие как В. К. Тредиаковский (1703–1768) с русской стороны и Адамантиос Кораис (Adamántios Korais, Αδαμάντιος Κοραΐς, род. в Смирне в 1748 и ум. в Париже в 1833) с греческой,⁴ а также писатели обеих стран в целом, стремились приспособить свой собственный унаследованный лексикон высокого стиля к французским понятиям современной эпохи. Это достигалось путем кальки, то есть, в первую очередь, заимствованием значений. Либо они придавали современные светские значения словам, уже существовавшим в церковно-славянском, древнегреческом или эллинистическом греческом языках, либо создавали новые литературные слова из уже существующих морфем этих языков.

Эта тема исследовалась как в русском, так и в греческом языках разными исследователями. В. В. Виноградов в своей книге о языке Пушкина 1935 года подробно рассматривает вопрос о французских кальках (Виноградов 1935), а также затрагивает тему заимствования смысла из французского языка и в других статьях.⁵ Однако Н. С. Арапова в своем словаре калек, опубликованном в 2000 году отмечает, что в русской лингвистике семантическим калькам XVIII века уделялось меньше внимания, чем обогащению научной терминологии немецкими кальками в XIX веке. С греческой стороны также были проведены исследования, посвященные семантическому «офранцузиванию» новогреческого языка.⁶

Здесь мы попытаемся представить проблему в сравнительной перспективе менталитетов. Чем отличаются этимологические словари русского и новогреческого языков в их отношении к французским заимствованиям? На первый взгляд, для неспециалиста эти кальки были весьма удачным решением проблемы сохранения национального характера языка, своего рода «скрытием» иноязычных заимствований. Тенденция к подчеркиванию самобытности русской культуры, которая сильно ощущается и сегодня, и греческое чувство первенства, укорененное в исторической преемственности древней Греции, могут повлиять как на восприятие калек, так и на признание их существования. Не случайно Н. С. Арапова в предисловии к собственному словарю калек послепетровского периода, занимающему несколько сотен страниц и основанному прежде всего на немецком матери-

³ Выражение из знаменитого стихотворения венгерского поэта Янош Батчани (Batsányi) «A franciaországi változásokra» (К переменам во Франции), написанного в 1789 году: *Jertek, s hogy sorsotok előre nézzétek, Vigyázó szemetek Párisra vessétek!* (BATSÁNYI 1953: 25).

⁴ О выборе французского языка как модели для обогащения греческого языка; см. HORROCKS 2010: 439.

⁵ См., среди прочих, Виноградов 1934.

⁶ См. CONTOSPOULOS 1978 или ТИЕВОНТ 2009.

але, сочла важным, как бы в порядке самопротиворечия, упомянуть, что «калькирование как способ пополнения русского словаря занимает маргинальное положение» (АРАПОВА 2000: 3). Таким же образом, в некоторых современных греческих словарях, например у Бабиниотиса,⁷ можно заметить, что иногда кальки признаются неохотно, т. е. предполагается непрерывное существование – в течении 25 веков – современных значений в древнегреческих словах, которые по свидетельству древних авторов в какой-то момент в истории уже имели актуальное, современное значение в классическом или, самое позднее, в эллинистическом периоде. Это явление будет рассмотрено на примере сопоставительного анализа русских и современных греческих этимологических словарей.

II. КАЛЬКИ И ЗАИМСТВОВАНИЯ

Ограничиваясь типами заимствований, приведенными нами в нижеследующих примерах, мы можем наблюдать оба типа калек: семантические – когда заимствуется «новое содержание при старой звуковой оболочке», а также словообразовательные – когда формируется «новое содержание при новой звуковой оболочке». «Словообразовательные и семантические кальки имеют общую цель – передать средствами языка-реципиента образы, положенные в основу номинации в языке-доноре» (АРАПОВА 2000: 31). Известный исследователь калек в славянских языках Б. Унбегаун в своей классической статье (UNBEGAUN 1932: 38) также отмечает, что в отсутствие широкомасштабного народного двуязычия, русские кальки в основном ограничиваются абстрактными грамотными словами, образованными с помощью старославянских элементов (таких как *влияние*, *развитие* и т. д.). Основным источником словообразовательного калькирования в русском – французский и немецкий языки. Значительное количество калек из числа вошедших в русский язык и укрепившихся в нем к началу XIX века имело в своей структуре церковнославянские компоненты. Предпочтение отдавалось более книжному, то есть церковнославянскому варианту. Так, для передачи французского *influence* архаичное *влияние* предпочтено разговорному *вливание* (АРАПОВА 2000: 26). Другим характерным признаком семантической кальки может быть возрождение архаичного слова в новом значении. Однако такое предпочтение архаичному и подчеркнуто книжному варианту при калькировании было характерно для XVIII и первой половины XIX веков. Ко второй половине XIX века количество словообразовательных калек (по сравнению с семантическими) увеличилось (АРАПОВА 2000:15), а основным источником словообразовательных калек стал уже немецкий язык.

Сложные отношения между церковнославянским и французским языками метко сформулированы В. В. Виноградовым, который говорит о «переносном употреблении церковнославянских слов, совлекающим с них церковно-бытовой или религиозный колорит» (ВИНОГРАДОВ 1935: 179). Он же отмечает, что «к тому же эффекту приводит процесс

⁷ «Αντίθετα, το Λεξικό της Νέας Ελληνικής Γλώσσας του Μπαμπινιώτη [...] είναι πιο συντηρητικό σε σχέση με τη χρήση του σημασιολογικού δανείου, εφόσον συχνά δεν εντάσσει στα σημασιολογικά δάνεια τις σημασίες που εντοπίζονται στη διαχρονία της ελληνικής γλώσσας ύστερα από αναζήτηση στις γραμματειακές πηγές.» [В отличие от этого, *Словарь современного греческого языка* Бабиниотиса более консервативен в использовании семантических заимствований, поскольку он часто не включает в семантические заимствования значения, которые обнаруживаются в диахронии греческого языка после поиска в древних источниках.] (ΑΣΗΜΑΚΗΣ–ΚΟΚΚΙΝΗ 2017: 104).

контаминации церковно-книжной и русско-французской фразеологии» (там же 181), и что «особенно значительна и разнообразна была роль французского языка в переосмыслении и литературной ассимиляции церковнославянизмов» (там же 185). Авторы и переводчики XVIII и XIX веков приспособляли церковнославянские лексемы к выражению значений французских слов. Таким образом, «сочетаясь с французскими фразами, церковнославянизмы составляли новые формы композиционных объединений, свободных от церковно-книжной экспрессии» (там же).

В случае греческого языка сложнее описать этот процесс, поскольку словарный запас древнего языка, доступный для языкового обновления, далеко не ограничивается церковной тематикой, а охватывает весь древний языческий мир. Именно поэтому словари часто не уверены в том, в какой степени можно говорить о семантической кальке, когда изолированное или редко встречаемое в древности значение становится общеупотребительным на рубеже XVIII и XIX веков. Асимакис и Коккини также обращают внимание на то, что «локализация значения в диахронии греческого языка не является достаточным и необходимым условием для отрицания предполагаемой семантической кальки», то есть предыдущее присутствие в определенный момент истории современного «французского» значения слова не позволяет отвергать влияние французского языка на распространение именно этого нового значения (ΑΣΗΜΑΚΗΣ–ΚΟΚΚΙΝΗ 2017: 104–105).

Известно, что сам Пушкин, при всем своем новаторстве, критиковал некоторые кальки: «Пушкин [...] протестует против этого принципа перевода. [...] *Хладнокровие*, это слово не только перевод буквальный, но еще и ошибочный» (Виноградов 1935: 275). Психарис придерживается аналогичной точки зрения касательно этого же самого слова в новогреческом языке. Особенно оскорбительными Психарис считал многие кальки из французского языка, и не только отдельные слова, такие как, например, *πραγματοποιώ* «réaliser» (ср. рус. 'реализовать') и *ψυχραμία* «sang-froid» (ср. рус. 'хладнокровие'), но и клишированные фразеологизмы, такие как, например, *εξασκώ επιρροήν* «exercer une influence» (ср. рус. 'оказать влияние') (ΝΟΡΡΟΚΣ 2010: 447).

Неприязнь по отношению к заимствованиям и калькам наблюдается и по сей день. Как заметил А. Исаченко в 1974 году, русский язык пошел по пути заимствований и калек, и это было убедительно продемонстрировано в многочисленных исследованиях, хотя до сих пор предпринимаются попытки минимизировать заимствования в стандартном русском языке и преуменьшить роль церковнославянского языка в его истории.⁸ А. Кречмер видит объяснение этому явлению в советской идеологии. По её словам, «в советский период имела место значительная идеологизация научной парадигмы. Роль церковнославянского языка сводилась к минимуму, развитие же русского литературного языка представлялось как поступательный, эволютивный – и автохтонный – процесс. В русистике и сегодня преобладает лишь незначительно модифицированная советская картина преимущественно автохтонного развития русского литературного языка» (ΚΡΕΤΣΧΜΕΡ 2023: 34–35).

Не случайно, что наиболее точно сформулировал сложившиеся в XVIII веке связи между старославянским, русским и французским языками многокультурный и многоязычный исследователь русско-австрийско-чешско-словацкого происхождения Александр Васильевич Исаченко, публиковавшийся в основном на немецком языке и полемизиро-

⁸ «... immer [werden] noch Versuche unternommen [...], die Entlehnungen im Standardrussischen zu minimalisieren und die Rolle des Kirchenslawischen in seiner Geschichte herunterzuspielen» (ISSATSCHENKO 1974: 238).

вавший с «националистическими» – по убеждению или по необходимости – советскими учеными (такими как П. Я. Черных, автор этимологического словаря 1993 года). По его мнению, Черных предпринял наивную попытку представить русский язык как почти самодостаточный язык с минимальной связью с окружающей средой. Но здесь не следует обманываться: грамматические морфемы *-щ(ий)*, *-м(ый)*, *-вш(ий)* по своему фонетическому значению являются церковнославянскими, но их употребление – не церковнославянское, а французское. Таким образом, словосочетания *блестящий оратор*, *вызывающий взгляд*, *угрожающий жест* точно соответствуют французским выражениям *un brillant orateur*, *un regard provocant*, *un geste menaçant*. Как образно выразился Исаченко, о церковнославянском влиянии здесь уместно говорить не больше, чем если бы мы говорили о болгарском влиянии на шведскую кухню, когда шведская хозяйка готовит луковый суп по парижскому рецепту из импортного болгарского лука.⁹ Полемически настроенный Исаченко не щадит даже кумира русской поэзии. Знаменитый стих Пушкина *Как дай вам Бог любимой быть другим* содержит типично французскую конструкцию *être aimée* в русифицированной форме. Он обращает наше внимание на то, что это пассивное причастие настоящего времени на *м(ый)* также не используется по церковнославянской модели (ISSATSCHENKO 1974: 254–255).

III. РАССМАТРИВАЕМЫЕ ЭТИМОЛОГИЧЕСКИЕ СЛОВАРИ

В русском языке основная трудность заключается в том, что этимологические словари, включая труды Фасмера (1958), Крылова (2005) и Шанского (1971), в которых мы рассматривали наши примеры, редко занимаются семантическими кальками, и поэтому содержат сравнительно мало абстрактных сложных слов, образованных из церковнославянских элементов.

Словарь калек Н. С. Араповой, к сожалению, не содержит выбранные нами слова, так как уделяет больше внимания немецкой научной лексике XIX века, чем калькам XVIII века из французского языка. *Этимологический словарь русского языка Московского университета*, начатый в 1962 году, затем заброшенный через двадцать лет и возобновленный в 90-е годы, в настоящее время находится только на букве *н*, а из рассматриваемых нами слов лишь некоторые фигурируют в нем. В этом словаре отсутствуют многие абстрактные сложные слова, но и существующие не всегда правильно проанализированы, как указывает сама Арапова в связи со словом *достопримечательность*, которое, по всей вероятности, ошибочно и анахронически объясняется греческим *αξιόθεατος*.¹⁰

Среди греческих словарей очень полезным оказался *Лексикон общегреческого языка* (*Λεξικό της νεοελληνικής κοινής*), изданный коллективом Фонда Триандафиллидиса, и опубликованный в 1998 году при Университете Аристотеля в Салониках (см. ΤΡΙΑΝΤΑΦΥΛΛΙΔΗΣ

⁹ «... von einem kirchenslawischen ‘Einfluß’ kann hier wohl ebensowenig die Rede sein wie etwa von einem bulgarischen Einfluß auf die schwedische Küche, wenn schwedische Hausfrauen aus importierten bulgarischen Zwiebeln Pariser Zwiebelnsuppe kochen» (ISSATSCHENKO 1974: 255).

¹⁰ По поводу любимого всеми иностранцами – особенно начинающими изучать русский язык – слова *достопримечательность* Арапова говорит, что «вряд ли это греческая калька *αξιόθεατος*, как предполагает ЭСРЯ» (Арапова 2000: 95). Мы согласны с этой догадкой и, в то же самое время, придерживаемся мнения, что данный композит был образован, скорее всего, по немецкой модели *Sehenswürdigkeit*.

1998). Он охватывает большую часть современной греческой лексики и в нем дается этимология каждого слова, точно разделяя значения многозначных слов. Он содержит около 110 000 записей, включая дериваты и собственные имена. В данном словаре было выявлено всего 5537 заимствований французского происхождения. Это очень большое число по сравнению с другими словарями, то есть десятая часть из оставшихся 50 000 словарных статей, если исключить все дериваты и собственные имена.¹¹

Другой новогреческий словарь, который мы использовали во время анализа наших примеров-калек, это более свежий словарь Бабиниотиса. Его автор Георгиос Бабиниотис является популярным культурным деятелем в современной Греции, часто выступает в разных научно-популярных передачах и активно участвует в лингвистических дебатах. Как мы уже упоминали выше, некоторые исследователи описывают его словарь как более консервативный, так как он более осторожно относится к калькам.

IV. НЕСКОЛЬКО ПРИМЕРОВ РАЗНЫХ ИНТЕРПРЕТАЦИЙ КАЛЕК¹²

1. *σύμφωνος* >¹³ **согласный** (< d'accord)

ФАСМЕР: **согласный**. Заимствование из церковнославянского, старославянского *съглас(ь)нѣ σύμφωνος*. Калькирует лат. *consonans* или греч. τὰ σύμφωνα.

КРЫЛОВ: **согласный**. Заимствование из старославянского языка, где было образовано по методу кальки с греческого *symphōnos*. Вторая часть слова восходит к той же основе, что и существительное *голос*.

ШАНСКИЙ: **согласный**. Заимствование из старославянского языка, где оно является словообразовательной калькой греческого *symphōnos*.

ΤΡΙΑΝΤΑΦΥΛΛΙΔΗΣ:¹⁴ **σύμφωνος** [книжное слово < древнегр. σύμφωνος]

то σύμφωνο: книжная субстантивация древнегреческого прилагательного *σύμφωνος*, калька французского *accord*.

ΜΠΑΜΠΙΝΙΟΤΗΣ: **σύμφωνος** из древнегреческого *σύμφωνος*.

Слово *соглашение*, к сожалению, не фигурирует ни в одном этимологическом словаре русского языка. Интересно отметить, что в случае лексемы *согласный* Фасмер упоминает церковнославянский язык, а остальные русские словари избегают это название языка, используя вместо него *старославянский*. Фасмер также приводит возможность влияния латыни на формирование этого слова.

¹¹ Подробно об этом словаре, см. Склѣнка 2012: 79. В дальнейшем мы будем упоминать этот словарь как словарь Триандафилидиса, то есть лексикографа, чье имя носит фонд, издающий этот словарь.

¹² Мы выбрали данные лексемы, исходя из соображения, что они были образованы под влиянием французского прототипа, то есть методом калькирования французских слов или выражений. На их примере мы хотим также показать, как разные словари по-разному объясняют этимологию одного и того же слова. И, в итоге, мы постараемся выявить, интерпретируют ли русские и греческие словари одинаковым образом кальки из французского языка.

¹³ Данные знаки 'меньше' и 'больше' должны интерпретироваться следующим образом: например, *a > б* значит, что 'на значение слова *б* повлияло слово *а*'. Если знак стоит в круглых скобках (>), тогда данное влияние только предполагается авторами статьи, но не фигурирует в этимологических словарях.

¹⁴ В случае греческих словарей мы будем приводить только сделанный нами перевод на русский язык греческого текста.

Мы придерживаемся мнения, что в данном случае мы имеем дело с явным влиянием французского *accord* и *d'accord* на значение новогреческого, а также русского слова, но об этом упоминает только словарь Триандафиллидиса в связи с существительным *το σύμφωνο* (соглашение).

2. εισαγωγή (>) введение < introduction

ФАСМЕР: **введение**. Русско-церковнославянское *Въведение Богородично* — церковный праздник.

Шанский: **введение**. Семантическая калька XIX в. франц. *introduction*.

КРЫЛОВ: **введение**. Это слово, кажущееся таким русским, возникло, тем не менее, под влиянием французского *introduction* методом кальки и путем соединения существительного с предлогом *в*.

ТРИАНΤΑΦΥΛΛΙΔΗΣ: **εισαγωγή**. Книжное слово, значения 1, 2, 5 из древнегреческого *εισαγωγή*, значения 3, 4 калька с французского *introduction*.

ΜΠΑΜΠΙΝΙΩΤΗΣ: **εισαγωγή**. Упоминает только о музыкальном термине *ouverture*, но отсутствует *introduction*.

Все словари приводят ту же этимологию, кроме словаря Бабиниотиса, который упоминает французское влияние только в одном значении, а именно в значении 'увертюра'. Примечательно, что данное значение в русском языке выражено совершенно другим словом, и не скрытой калькой, а открытым галлицизмом.

3. εμπνεοία/έμπνευση > вдохновение < inspiration

ФАСМЕР: —

КРЫЛОВ: **вдохновение**. Это заимствованное из старославянского языка слово образовано, вероятно, методом кальки с греческого *εμπνοια*.

ШАНСКИЙ: **вдохнове́ние**. Заимств. из ст.-сл. яз. Словообразовательная калька греч. *εμπνοια* «вдыхание» > «вдохновение» на базе *въдъхнѣти* (*у* из *о* носового) «вдохнуть» с помощью суф. -ение.

ТРИАНΤΑΦΥΛΛΙΔΗΣ: **έμπνευση**. Книжное слово из эллинистического *έμπνευ(σις)* и также калька с французского *inspiration*.

ΜΠΑΜΠΙΝΙΩΤΗΣ: **έμπνευση**. Современное значение из французского *inspiration*.

Интересно заметить, что оба греческих словаря ссылаются на французское влияние, а в русских словарях приводятся только греческие слова в качестве моделей для образования слова *вдохновение*.

4. développement > Entwicklung > развѣтие développement > ανάπτυξη

ФАСМЕР: **развитие**. Калька нем. *Entwicklung* – то же, которое в свою очередь калькирует лат. *evolūtiō* или франц. *développement*.

КРЫЛОВ: **развитие**. Это слово, имеющее значение «процесс изменения, перехода из одного состояния в другое», образовано по методу кальки с немецкого *Entwicklung* – «развитие».

ШАНСКИЙ: **развитие**. Словообразоват. калька XVIII в. нем. *Entwicklung* (ent- – раз-, -wickl- – -ви-, -ung – -тие).

ΤΡΙΑΝΤΑΦΥΛΛΙΔΗΣ: **ανάπτυξη**. Книжное слово из древнегреческого *ἀνάπτυξις* (развертывание), калька французского *développement*.

ΜΠΑΜΠΙΝΙΩΤΗΣ: **ανάπτυξη**. Современные значения из франц. *développement*.

5. επιρροή < influence > влияние

ФАСМЕР: **влияние**. Калька. Как и польск. *wpływ*, нем. *Einfluss* – то же, восходит к франц. *influence*, лат. *influentia*.

КРЫЛОВ: —

ШАНСКИЙ: **влияние** (воздействие). Семантическая калька конца XVIII в. франц. *influence* < лат. *influentia*.

ΤΡΙΑΝΤΑΦΥΛΛΙΔΗΣ: **επιρροή**. Книжное слово из древнегреческого *ἐπιρροή* (слияние), калька французского *influence*.

ΜΠΑΜΠΙΝΙΩΤΗΣ: **επιρροή**. Древнее значение: *втекание воды*, на основе которого создано латинское *influx*. Метафорическое значение встречается уже в древнем языке. Но позже нет свидетельств об этом метафорическом значении, ни даже в Средневековье. Реактивация метафорического значения произошла благодаря французскому *influence*.

Если в некоторых русских словарях упоминается латинское происхождение французского *influence*, Бабиниотис утверждает, что латинское слово, в свою очередь, является калькой греческого слова, и древнегреческое слово вернулось в новогреческий язык благодаря влиянию французского слова. Круг замкнулся.

6. положение < position > θέση

ФАСМЕР: —

КРЫЛОВ: **положение**. Это слово образовано по методу кальки с французского существительного *position*.

ШАНСКИЙ: **положение**. Семантическая калька XVIII в. франц. *position*.

ΤΡΙΑΝΤΑΦΥΛΛΙΔΗΣ: **θέση**. Значения I 1–3: древнегреческое *θέ(σις) –ση*. Значение I 4, II 1: калька с французского *place*. Значение I 5: калька с французского *position*.

ΜΠΑΜΠΙΝΙΩΤΗΣ: **θέση**. Древнегреческое слово имело уже некоторые из современных значений (например, *мнение*). Замечаются многочисленные выражения, которые являются кальками с французского языка: *είμαι σε θέση να* (< *être en état de*), *παίρνω θέση* (< *prendre position*), *προνομιούχος θέση* (< *endroit privilégié*), *θέση ισχύος* (< *position de force*), *θέση-κλειδί* (< *position clé*), *βάζω κάποιον στη θέση του* (< *remettre quelqu'un à sa place*), *στη θέση σου* (< *à ta place*), *εμμένω στις θέσεις μου* (< *je reste sur mes positions*).

Бабиниотис опять настаивает на присутствии отвлеченных значений уже в древние времена, хотя признает влияние французского языка на создание многочисленных глагольных словосочетаний.

7. ύποκειμενον > subiectum > подлежащее

Λ

Λ

sujet

sujet

ФАСМЕР: **подлежащее**. Калька лат. *subiectum*: греч. *τὸ ὑποκείμενον*.

КРЫЛОВ: **подлежащее**. Это название одного из главных членов предложения было образовано методом кальки с латинского *subiectum*.

ШАНСКИЙ: **подлежащее**. Словообразовательная калька греч. *hupokeimenon* (hupo – под, keim – леж, epon – аще).

ΤΡΙΑΝΤΑΦΥΛΛΙΔΗΣ: **υποκειμενο**. Древнегреческое *υποκειμενον* и калька французского *sujet*.

ΜΠΑΜΠΙΝΙΩΤΗΣ: **υποκειμενο**. Из древнегреческого *υποκειμενον*, субстантивированное причастие от глагола *υποκειμαι*. Лингвистическое значение уже присутствует в античности, а философский и психологический термины происходят от немецкого *Subjectum*.

Бабиниотис снова указывает на присутствие некоторых современных значений уже в древние времена, но приводит немецкий язык вместо французского, чтобы объяснить появление философского значения слова.

8. obiectum > przedmiot > предмет

^

objet > αντικειμενο

ФАСМЕР: **предмѣт**. Калькирует (через польск. *przedmiot* – то же) лат. *obiectum*.

КРЫЛОВ: **предмет**. Это слово (включающее основы предлога «вперед» и глагола «метать») является калькой латинского *objectum*.

ШАНСКИЙ: **предмет**. Словообразоват. калька XVIII в. лат. *objectum*.

ΤΡΙΑΝΤΑΦΥΛΛΙΔΗΣ: **αντικειμενο**. Калька французского *objet*.

ΜΠΑΜΠΙΝΙΩΤΗΣ: **αντικειμενο**. Лингвистическое значение отражает нео-латинское *objectum*, а значение «вещь, предмет» встречается с XIX века в качестве кальки французского *objet*.

Бабиниотис разделяет значения латинского происхождения от значений французского происхождения, что остальные словари не делают.

9. voraussetzen > предполагать

supposer > υποθέτω

ФАСМЕР: **предполагать**. Калькирует нем. *voraussetzen* – то же.

КРЫЛОВ: **предполагать**. Это слово образовано по методу кальки с немецкого *voraussetzen*.

ШАНСКИЙ: —

ΤΡΙΑΝΤΑΦΥΛΛΙΔΗΣ: **υποθέτω**. Калька французского *supposer* и калька английского *it is supposed*.

ΜΠΑΜΠΙΝΙΩΤΗΣ: **υποθέτω**. От древнегреческого глагола *υποτίθημι*.

Бабиниотис, в отличие от другого греческого словаря, не признает влияние французского языка в семантической эволюции этого слова.

10. предрассудок < préjugé

prévention > προκατάληψη > praejudicium

ФАСМЕР: **предрассудок**. Калька франц. *préjugé*.

КРЫЛОВ: **предрассудок**. Это слово образовано по методу кальки с французского *préjugé* и буквально означает «то, что предшествует рассудку, воспринимается вопреки рассудку».

ШАНСКИЙ: **предрассудок**. Словообразоват. калька XVIII в. франц. *préjugé*.

ΤΡΙΑΝΤΑΦΥΛΛΙΔΗΣ: **προκατάληψη**. Древнегреческое *προκατάληψις* (предыдущий захват), калька французского *prévention*.

ΜΠΑΜΠΙΝΙΩΤΗΣ: **προκατάληψη**. Сегодняшнее значение существовало уже в античности у Эсхина.

Бабиниотис опять придерживается мнения, что это слово приобрело современное значение уже в древние времена, хотя в словарях древнегреческого языка основные значения этого слова совсем другие.

11. συμπάθεια > сострадание, симпатия

ΛV

compassion, sympathie

ФАСМЕР: **сострадание**. Из *състрадание*, которое калькирует греч. *συμπάθεια*.

КРЫЛОВ: **сострадание**. Греческое слово *sympathia* двояко проникло в русский язык: как калька (*sym* – со, *pathos* – страдание, *ia* – ие) и как заимствование (*симпатия*), и теперь в современном языке существует два равноправных синонима – сострадание и симпатия.

ШАНСКИЙ: **сострадание**. Заимств. из ст.-сл. яз., в котором оно является словообразоват. калькой греч. *sympathia*.

ΤΡΙΑΝΤΑΦΥΛΛΙΔΗΣ: **συμπάθεια**. Древнегреческое *συμπάθεια* и калька французского *sympathie*, которое происходит из древнегреческого *συμπάθεια*.

ΜΠΑΜΠΙΝΙΩΤΗΣ: **συμπάθεια**. Происхождение из древнегреческого.

Как и в некоторых других случаях, Бабиниотис не признает здесь влияние французского языка. Интересно, что Крылов ошибочно предполагает синонимичность *сострадания* и *симпатии*, хотя *сострадание* очевидно ближе к смыслу французской лексемы *compassion*, которая, в свою очередь, является калькой (через латынь) греческого *συμπάθεια*.

V. ВЫВОДЫ

На основе вышеприведенных примеров мы можем утверждать, что разные русские этимологические словари относительно единообразны в оценке семантических калек. Фасмер более охотно и часто употребляет термин церковнославянский, чем его советские коллеги, что объясняется, конечно же, чисто идеологическими причинами. В отличие от русских словарей, в греческих словарях доля признанных заимствований намного выше. Однако по сравнению с другими греческими словарями, например, со словарем Бабиниотиса (ΜΠΑΜΠΙΝΙΩΤΗΣ 2004), Словарь новогреческого языка *Λεξικό της κοινής νεοελληνικής* фонда Триандафиллидиса (ΤΡΙΑΝΤΑΦΥΛΛΙΔΗΣ 1998) склонен видеть большее французское влияние на современное значение, казалось бы, благозвучных древнегреческих слов. В этом влиянии, кстати, может убедиться каждый, кто задастся целью изучить латынь или древнегреческий. Даже если предположить, что мы знаем значение таких базовых слов, как *cultura*, *evolutio* или *conditio*, велика вероятность того, что в древних латинских текстах эти слова будут иметь гораздо более конкретное значение (*земледельство*, *развертывание*, *приправа*), чем то абстрактное значение, которое, родившись в средневековой латыни, распространилось в современных европейских языках. То же самое относится и к древнегреческому языку. Понять современные греческие газетные статьи намного проще, чем разобраться в любом из сочинений писателя Ксенофонта, которого обычно считают «легким» древнегреческим автором. Это происходит потому, что, как отмечает Психарис, французские значения, стоящие за греческими словами, являются надежным

ориентиром для современного читателя, который может восстановить значения, производя морфемный разбор слова или лексемный разбор словосочетаний. Например, *πέμπτη ουσία*, ‘пятая стихия, эфир’, философский термин из эллинистического греческого был переведен на средневековую латынь как *quinta essentia – quintessentia* с помощью кальки, а затем вернулся в современный греческий (*πέμπτουσία*) в XIX веке, отражая французское *quintessence*, но уже с новым, современным значением *квинтэссенции*. Существует множество других примеров подобных «перезаимствований», которые в новогреческом языке носят название *αντιδάνεια* ‘противозаимствования’.

Бросается в глаза и то, что русские словари регулярно указывают в качестве возможного или доказанного происхождения немецкие эквиваленты, часто переведенные, в свою очередь, с французского, что по географическим причинам намного реже встречается в случае греческого языка. У нас сложилось впечатление, что греческих словарях реже упоминается немецкое влияние в процессе калькирования значений. Латинское происхождение также чаще указывается в русских словарях, в то время как в греческих явно преобладает французский язык. В то же время следует отметить, что путь до точного определения семантических калек еще долог, так как необходима тщательная проверка источников в текстовых корпусах путем специальных исследований, чтобы определить, имеет ли значение естественное историческое развитие в греческом языке или оно на самом деле было получено путем кальки.

Подводя итоги нашему исследованию, мы можем с уверенностью заявить, что современные значения новогреческих слов не всегда полностью совпадают с древнегреческими, поскольку культурные условия изменились, а современная наука опирается на западную цивилизацию.

В заключение приведем слова А. Исаченко, который охотно использует оригинальные метафоры для описания языковых процессов, имевших место в русском языке XVIII века. На основе французских и общеевропейских критериев, из элементов повседневного разговорного русского языка и архаичного церковного языка постепенно создавалась новая русская языковая система, способная конкурировать с французским языком. Как образно выразился Исаченко, во второй половине XVIII века начали строить искусственный канал – по французским планам, разумеется – и в него стали поступать воды из вялотекущего потока церковнославянского языка и из источников разговорных идиом (в том числе французского) по мере необходимости. Однако этот новый канал не идентичен ни одному из ранее существовавших русел. Иными словами, важны не столько используемые элементы, сколько катализирующая сила «великого европейского учителя – французского языка» (ISSATSCHENKO 1974: 272).

Можем развить эту метафору, превращая ее в целую аллегория: канал, прорытый на основе французских планов, расширяется в XIX веке с немецкой тщательностью и энергичностью, а русский язык, снабжен унаследованным через старославянские кальки греческим духом, впитывает в себя вместе с французской элегантностью энергичную точность немецкого языка.

ΒΙΒΛΙΟΓΡΑΦΙΑ

- ΑΡΑΠΟΒΑ Η. Σ. 2000 *Καλκι в русском языке послепетровского периода*. Москва, Издательство МГУ.
- ΒΙΝΟΓΡΑΔΟΒ Β. Β. 1934 *Οчерки по истории русского литературного языка XVII—XIX вв.* Москва, Гос. учеб.-пед. изд-во.
- ΒΙΝΟΓΡΑΔΟΒ Β. Β. 1935 *Язык Пушкина*. Москва, Academia.
- ΚΡΥΛΟΒ Γ. Α. 2005 *Этимологический словарь русского языка*. Санкт-Петербург, ООО «Полиграфус-луги».
- ΦΑΣΜΕΡ Μαξ 1958 *Этимологический словарь русского языка*. Москва, Прогресс. Перевод с немецкого и дополнения Ο. Η. Τрубачёβα.
- ΤΣΕΡΝΗΧ Π. Я. 1993 *Историко-этимологический словарь русского языка*. Москва, Русский язык.
- ΣΑΝΣΚΙЙ Η. Μ. – ΙΒΑΝΟΒ Β. Β. – ΣΑΝΣΚΑЯ Τ. Β. 1971 *Κρατкий этимологический словарь*. Москва, Просвещение.
- ΒΑΤΣΑΝΥΙ János 1953 *Batsányi János összes művei I*. Budapest, Akadémiai Kiadó.
- ΚΟΝΤΟΣΣΟΡΟУΛΟС ΝΙСОΛΑС 1978 *L'influence du français sur le grec : emprunts lexicaux et calques phraséologiques*. Athènes, авторское издание.
- ΗΟRROCKS Geoffrey 2010 *Greek – A history of the language and its speakers*. Malden–Oxford, Wiley-Blackwell.
- ΙSSATSCHENKO Α. V. 1974 *Vorgeschichte und Entstehung der modernen russischen Literatursprache*. *Zeitschrift für slawische Philologie* 37, 235–274.
- ΚΡΕΤΣΧΜΕR Αππα 2023 *История славянской письменности в работах Н. И. Толстого*. *Etnolingwistyka. Problemy Języka i Kultury* 35, 27–43.
- ΤΙΕΒΟΝΤ Μιет 2009 *L'influence du français sur le grec moderne*. Gent.
- ΥΝΒΕΓΑΥΝ Βοrис 1932 *Le calque dans les langues slaves littéraires*. *Revue des études slaves* 12, 1–2, 19–48.
- ΑΣΗΜΆΚΗΣ Φ. – ΚΟΚΚΙΝΗ Α. 2017 *Τα σημασιολογικά δάνεια στη νεοελληνική ορολογία*. In: *ΕΛΕΤΟ – 11ο Συνέδριο «Ελληνική Γλώσσα και Ορολογία» Αθήνα, 9–11 Νοεμβρίου 2017*. Αθήνα, ΕΛΕΤΟ, 102–112.
- ΜΠΑΜΠΝΙΩΤΗΣ Γεώργιος Δ. 2004 *Λεξικό της Νέας Ελληνικής Γλώσσας*. 2η έκδοση. Αθήνα, Κέντρο Λεξικολογίας.
- ΣΚΛΗΚΑ Ελπίδα 2012 *Τα δάνεια της Νέας ελληνικής γλώσσας από τη γαλλική: συγχρονική ανάλυση του φαινομένου σε φωνολογικό, μορφολογικό και σημασιολογικό επίπεδο*. Αθήνα, Εθνικό και Καποδιστριακό Πανεπιστήμιο Αθηνών.
- ΤΡΙΑΝΤΑΦΥΛΛΙΔΗΣ 1998 *Λεξικό της κοινής νεοελληνικής*. Θεσσαλονίκη, Ίδρυμα Μανόλη Τριανταφυλλίδη ΑΠΘ.
- ΨΥΧΆΡΗΣ Γιάννης 1971 *Το ταξίδι μου*. Αθήνα, Ερμής.

TIVADAR PALÁGYI^{1,2}, ANGÉLA PALÁGYI³

¹Faculty of Education, Comenius University, Bratislava, Slovakia

²Department of French Language and Literature, Eötvös Loránd University, Budapest, Hungary

³Department of Russian Language and Literature, Eötvös Loránd University, Budapest, Hungary

“Feast your eyes on Paris”: The influence of French on the meaning of book Slavisms at the turn of the XVIII and XIX centuries

The paper analyses the calques from French in Russian by including as *tertium comparationis*, Modern Greek. Both languages, Russian and Greek, were characterised by having at their disposal a prestigious sacred language with a significant abstract vocabulary in order to modernize their language at the turn of the eighteenth and nineteenth centuries. In the case of the Russian language, we are talking about Church Slavonic, and in the case of Greek about Ancient Greek, which encompassed the whole of ancient culture in addition to the biblical and Byzantine vocabulary, which had already been translated into Church Slavonic in the Middle Ages with the help of calques. The new concepts of the Enlightenment were vehicled in Europe by the French language. Innovative linguists-translators and writers in both countries endeavoured to adapt their own prestigious vocabulary, inherited from the past, to the French concepts of the modern era. This was often achieved by semantic calques, that is, by borrowing new meanings inherent to French words and applying them to already existing Church Slavonic or Ancient Greek words. The paper compares different Russian and Greek etymological dictionaries to find out the attitude towards calques in both cultures. Based on the analysed examples, it can be asserted that the different Russian etymological dictionaries are relatively uniform in their assessment of semantic calques. Unlike Russian dictionaries, Greek dictionaries have a much higher proportion of recognised loanwords. Compared to Babiniotis' dictionary, the Dictionary of Modern Greek (*Λέξικο της κοινής νεοελληνικής*) of the Triandafyllidis Foundation tends to see a greater French influence on the modern meaning of ancient Greek words.

Keywords: calque, etymological dictionaries, Russian language, Old Church Slavonic, Modern Greek, Ancient Greek, French language

Open Access. This is an open-access article distributed under the terms of the Creative Commons Attribution 4.0 International License (<https://creativecommons.org/licenses/by/4.0>), which permits unrestricted use, distribution, and reproduction in any medium, provided the original author and source are credited, a link to the CC License is provided, and changes – if any – are indicated. (SID_1)

